

ОППОЗИЦИЯ «СВОЕ — ЧУЖОЕ» В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА

И. А. Спиридонова

Петрозаводский государственный университет

Поступила в редакцию 3 октября 2019 г.

Аннотация: исследование посвящено прозе А. Платонова, написанной в годы Великой Отечественной войны. В литературе 1941–1945 гг. доминирует оппозиция «свое – чужое», предельно поляризованная в патриотическом пафосе борьбы с фашистской агрессией. В военных рассказах писателя эта оппозиция реализуется по принципу возвратности. Важную роль в поэтике Платонова играет символическая избыточность образов и мотивов, которая формирует сюжеты «второго смысла» и актуализирует онтологическую проблематику.

Ключевые слова: А. Платонов, оппозиция «свое–чужое», поэтика, литература Великой Отечественной войны.

Abstract: The research is devoted to A. Platonov's prose written during the Great Patriotic War. Literature of 1941–1945 is dominated by the opposition Own vs. Alien, which is extremely polarized in the patriotic pathos of opposing fascist aggression. This opposition is implemented on the principle of return in the writer's war stories. An important role in the poetics of Platonov is played by the symbolic redundancy of images and motifs, which forms plots of the second meaning and actualizes ontological issues.

Keywords: A. Platonov, opposition Own vs. Alien, poetics, literature of the Great Patriotic War.

В литературе 1941–1945 гг. доминирует оппозиция *свое — чужое*, предельно поляризованная в патриотическом пафосе борьбы с фашистской агрессией. А. Платонов, как и художники-современники, писал Великую Отечественную как Священную войну, где священна любовь к Родине и священна ненависть к врагу. Титульная оппозиция военной прозы Платонова «Одухотворенные люди» — «Неодушевленный враг» восстанавливала в художественном сознании «образность, проецирующую происходящее на события многовековой отечественной истории» [1, 38].

При создании образа агрессора, «живого мертвяка», писатель использовал мотивы страха, глупости, живота, зверя, вещи, пустоты, смерти; их истоки — в фольклоре, где незыблемы границы *своего* и *чужого* миров и где *враг* — порождение и воплощение *антимира*. Однако ряд означенных мотивов характеризует в его военных рассказах персонажей *своего* мира. Переводчик и исследователь Р. Чандлер пишет о Платонове: «He uses... **and** where we expect **but**» [2, XXI]. Конъюнкция — одна из ключевых фигур платоновского текста. Символическая избыточность образно-мотивной структуры порождает поэтику «второго смысла».

Тайна агрессора мучает солдата Степана Трофимова из рассказа «Божье дерево», написанного в августе 41-го: он «хотел поскорее увидеть своего врага — того тайного человека, который пришел сюда, в эту тихую землю, чтобы убить сначала его, потом его мать и пройти дальше, до конца света, чтобы всюду стало пусто и враг остался один на земле» [3, 87]. От-

вет на вопрос: «Кто это, человек или другое что?» — герой добывает в рукопашном бою. Описание боя заслуживает особого внимания: на миг в нем показано человеческое лицо немецкого солдата. «Чужой штык вдруг показался из-за голых ветвей, и оттуда засветилось бледное незнакомое лицо со странным взглядом, испугавшим Трофимова, потому что это лицо было немного похоже на лицо самого Трофимова и глядело на него с робостью страха» [3, 88]. Другой немец произносит перед смертью: «Русс, прости!», что позволяет и в нем увидеть человека. Это не отменяет того, что должен совершить герой: уничтожить агрессора. «Теперь уж не смогу прощать тебя, — ответил Трофимов врагу. — Теперь уже не сумею... У меня мать есть, а ты ее сгонишь с земли» [3, 88].

В смертной работе войны солдату-освободителю необходима постоянная нравственная опора, чтобы, одолев врага, самому не утратить «свет человечности». Художественная реализация принципа «этической необходимости» [4, 279] нацелена у Платонова не только на борьбу с внешним злом, где в обстоятельствах идущей войны это *враг-немец-фашист* (исторически заданное номинативное тождество), но и внутрь *русского-советского* мира.

Универсальный характер получает в военной прозе Платонова мотив глупости. Этот комический мотив постоянно используется писателем в разработке темы врага, начиная с рассказа «Дед-солдат» (1941). Актуален он и в освещении проблем национальной жизни. «Дураков много было», — невесело резюмирует общечеловеческую проблему майор Махонин («Среди народа (Офицер и крестьянин)» [3, 117]).

«Генерал Бабай» — так впервые обозначен в записных книжках рассказ «Крестьянин Ягафар», приведем контекст: «“Бьются <нрзб.>, а народы стоят в стороне, они лишь погибают и откупаются кровью”. / “Генерал Бабай”. / 1/3 людей не работает, а глядит на работающих» [4, 218]. Рассказ написан в Уфе по тяжелым эвакуационным впечатлениям зимы 1941/42. Первое ‘генеральское’ название задало сатирическую линию сюжета.

Действие происходит в далекой от фронта башкирской деревне. Главный герой старик (бабай) Ягафар предчувствует неизбежность войны. Неотвратимая беда войны открывается героем в окружающей жизни: «Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по томлению их мысли, по содроганию их тихих сердец, все более скупое берегущих свое счастье, свое семейство и свою родную землю...» [3, 37] (ср. в «Записных книжках»: «Русские мужчины и женщины накануне войны 1941 года (война явно предчувствовалась — в смысле изменения, ими лично — жизни)» [4, 267]). Однако вещее знание не дается даром, как не дается раз и навсегда. Вот реакция Ягафара на начало войны: «После наступления войны бабай даже обрадовался, потому что до войны зло было далеко и скрытно, а теперь настала пора уничтожить его вблизи, в жизни, чтобы люди больше не боялись жить на свете... Теперь настало это время, и бабай обрел надежду, что эта пора минует и тогда будет счастье» [3, 37].

Словосочетание «зло было далеко и скрытно» лишь поначалу двусмысленно: «далеко и (потому. — И. С.) скрытно»; «далеко и (также. — И. С.) скрытно». В сюжете развернута проблема ‘скрытного зла’, угаданного, но не осознанного и не побежденного в ближней жизни, в себе. В том, как проживает Ягафар начало войны («бабай обрел надежду, что эта пора минует и тогда будет счастье»), затушевывается его же трагическое предчувствие. Победа добра над злом мыслится им по-детски легко — как ‘самореализация’ истории. Причинно-следственную конструкцию такого типа М. Михеев называет «мифологией вместо причинности» [5, 207].

Инфантильное миропонимание героя задает трагифарсовое развитие сюжета: Ягафар — ‘гость’, ‘свадебный генерал’ на не свершенном празднике победы («Он пошел в гости по дворам, желая быть вместе с народом в такое время») и одновременно ‘старое дитя’, ‘глупарь’, серьезно и радостно играющий в войну: «Ты старый человек, а глупарь!» — сердито и неохотно сказал Беспалов» [3, 40] (ср.: «Фашист — глупарь, и помрет, так все никак не уймется...» [3, 118]).

‘Возвращение в разум’ старика Ягафара начнется в тот момент, когда он увидит брошенное колхозное хозяйство и гибель разнообразного «вещества существования». Вина персонально возложена на Ягафара — и старый крестьянин её принимает. «“Правда твоя, — сказал бабай (Беспалову. — И.С.), —

я старик, я виноват, чего глядел. Людей люблю, в гости ходил — я виноват”. — И бабай зажмурился от крестьянского стыда...» [3, 43]. Осознание своей вины и ответственности — кульминационный момент жизни героя с его инстинктивной потребностью жить по совести. Из ‘гостевой’ он возвращается в ‘трудовую’ жизнь. ‘Генеральство’ старика Ягафара в финале сюжета, где он «командует всей рожавшей силой земли, кормящей армию и согревающей ее» [3, 45], — это комически представленная полнота ответственности героя за жизнь.

Иные чувства вызывает у писателя человек, равнодушно обособленный на войне от горя и бед народных. В рассказе «Молодой майор (Офицер Зайцев)» главный герой видит храброго лейтенанта, «тылового офицера», который организовал перепись солдат на открытом артиллерии врага месте. «Около стола была щель на одного-двух людей; туда, должно быть, укрывался тыловой офицер во время огня противника» [3, 378]. Так, безопасно для себя, служил и героизировал молодой столоначальник, рискуя солдатскими жизнями. Его лицо было «довольно и умильно от счастья исполнительности...» [3, 379]. Майор Зайцев испытывает «злобу от этой глупости и небрежности», однако лейтенант оказывается непроницаем его гневу. Когда Зайцев посылает тыловика с его канцелярией к черту, тот с прежним выражением «счастья и довольства» принимается за рапорт с обоснованием причин передислокации. Очевидна сатирическая дистанция автора по отношению к этому герою: портретные характеристики сигнализируют об отсутствии у него ‘сокровенного’ содержания, он — ‘пустой’, ‘пустодушный’. Напрямую такие определения не даны, ведь «пустодушие» — опорная характеристика врага в военной прозе Платонова, но ряд мотивов подводит к ней: мотивы глупости, безответственности, механичности, бездумной исполнительности, самодовольства, идиотической радости. «Дурак ты, идиот и холуй» — так оценивает немца-фашиста Рудольфа Вальца, сойдясь с ним в смертельном поединке, русский солдат в рассказе «Неодушевленный враг» [3, 283]. Но ровно то же можно сказать и о советском лейтенанте-тыловике из рассказа «Молодой майор». ‘Безымянность’ персонажа может быть интерпретирована как символический знак его типичности.

Один из центральных в разработке темы врага в литературе Великой Отечественной войны — образ-мотив зверя (Л. Леонов, А. Толстой, И. Эренбург и др.). В художественном мире военной прозы Платонова существует дисбаланс между обличением преступлений (зверств) фашистов и их художественным оформлением в мотив зверя даже в тех случаях, когда для характеристики врага использованы зоономии: «гадюка» («Дед-солдат»), «комариная куча» («Рассказ о мертвом старике»), «гончие псы» («Три солдата»), «мошкара из болота» («Никодим Максимов»), «расчетливый муравьиный разум» («Пустоду-

шие»), «дракон» («Штурм лабиринта»). А. Кулагина в образных вариациях врага-зверя у Платонова прослеживает связь с фольклорной традицией [6, 102]. Отметим ту особенность, что зоономинации врага в его военных рассказах часто комически уничижительны: «Какой он неприятель? — разъясняет ребенку дед-солдат из одноименного рассказа. — Он фашист Гитлер! Неприятель раньше были, они были в крымскую, в турецкую кампанию... А это просто так себе, одна гадюка!» [3, 82].

Литота образа врага-зверя в военной прозе Платонова связана с его натурфилософией. «Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве» [4, 155]. Природа, по мысли писателя, породила и хранит гуманистическое начало жизни, в то время как человеческая история пропитана зоологической ненавистью. В произведениях 1930-х годов мотив зверя характеризовал у Платонова как отечественную революционную историю («Котлован»), так и фашизм («Мусорный ветер»).

В рабочих записях военных лет проблема «озверелости» трагически сфокусирована на внутреннюю национальную жизнь. Об этом тематический набросок рассказа «Зимовка в Уфе»: «об эвакуации, озверелости и пр.» [4, 220]; а также один из сюжетов «возвращения»: «К отцу-матери пришел сын с войны — до того изувеченный, израненный, изменившийся, что его не узнали родители», и мать в звериной алчности «зарубила своего неузнанного сына» [4, 238]. Тексты этих произведений неизвестны, и вряд ли Платонов в годы войны работал над ними, скорее это записи «впрок». И все же вечная проблема поединка человека со «зверем-в-себе» будет поставлена в его произведениях 1941–1945 гг.

В рассказе «Одухотворенные люди» (1942) мотивы «ярости боя» и «зверя» характеризуют всю систему персонажей: и защитников Отечества, и агрессоров [7]. В «ярости» смертельного боя севастьяпольские моряки оценивают врагов как «гадов», «пустые шкурки от людей», «волосяного червя»; они же открывают «зверя» в себе — как катастрофическое следствие войны. «До чего они нас довели — я зверем стал!» — признается молодой краснофлотец Паршинцев; «неутоленное ожесточение боем» проживают и его боевые товарищи [3, 105–106]. Рефлексия зла войны имеет возвратную семантику: развернута на себя. Осознание «зверя-в-себе» — это живой голос совести, опорная точка для восстановления «человека-в-себе». Зеркальная мотивная структу-

ра формирует сюжет «второго смысла», где борьба человека со зверем получает экзистенциальное содержание: ее арена и внутренний свидетель — душа человека («Правда у нас... Нам трудно, у нас болит душа»). Духовная эволюция краснофлотцев в смертельном бою — от жажды мщения врагу к открытию «высшей правды» любви. Лексический и образный строй «Одухотворенных людей» имеет много сходений с древнерусской литературой, восстанавливает «не только героическое, но и духовное наследие пращуров» (О. Алейников [1, 45]).

Война не отменила творческую установку Платонова запечатлеть «истину действительности», но породили особый механизм взаимоотношения героической правды и трагической истины. Важную роль в поэтике его военной прозы играют коллизии «явного» и «сокровенного». «Зло въяве, наружи, — записывает Платонов в военном блокноте, — это только то, что у нас есть внутри. Это наши же извержения, чтобы мы исцелились» [4, 219]. Оппозиция *свое-чужое* в художественной структуре его произведений 1941–1945 гг. реализована по принципу возвратности: символическая избыточность образов и мотивов актуализировала онтологическую проблематику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейнико О. Ю. Древнерусский «субстрат» в прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне / О. Ю. Алейников // Человек и война в русском художественном сознании XX века. Сб. научных работ — Воронеж: ЦЧКИ, 2000. — С. 38–45.
2. Chandler Robert Translating Soul / Robert Chandler // Platonov Andrey Soul. — London: The Harvill Press, 2003. — PP. XIX–XXVI.
3. Платонов А. Одухотворенные люди. Рассказы о войне / А. Платонов; сост. и вступ. ст. В. М. Акимова. — М.: Правда, 1986. — 432 с.
4. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов. — М.: Наследие, 2000. — 424 с.
5. Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык: предположения, факты, истолкования, догадки / М. Ю. Михеев — М.: Изд-во МГУ, 2003. — 408 с.
6. Кулагина А. Образ русского ратника в фольклоре и в военной прозе А. Платонова / А. Кулагина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5. — М.: Наследие, 2003. — С. 98–107.
7. Спиридонова И. А. Мотивы ярости и зверя в рассказе А. Платонова «Одухотворенные люди» / И. А. Спиридонова // Проблемы исторической поэтики. 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 301–325.

Петрозаводский государственный университет
Спиридонова И. А., доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
E-mail: iiisss30@mail.ru

Petrozavodsk State University
Spiridonova I. A., Doctor in Philology, Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism
E-mail: iiisss30@mail.ru